

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ

НЕ В СВОЕ ВРЕМЯ

* * *

Убегают к лесу провода,
В пятнах снега мартовское поле.
Родина моя, моя беда,
Не свободы ищем мы, а воли.
Ну, а воли хватит у тебя,
Разве жаль тебе её для сына! —
Родина моя, моя судьба,
В сумрак уходящая равнина.
Там, где рельсы осветил закат,
Где торчит шлагбаум одноруко,
Снова видит пристальный мой взгляд
С фонарём стоящую старуху.
По ветру седая вьётся прядь,
Гнётся воротник её шинели.
Ей ли о грядущем горевать,
Прошлое оплакав еле-еле!
Налетит грохочущий состав,
Торопливо мусор закружится.
Хорошо, от странствий приустань,
Никуда душою не стремиться.

ФРОЛОВ Геннадий Васильевич родился в 1947 году в Курске. Детство и юность прошли в Орле. В 1971 году закончил Литературный институт. Работал редактором в нескольких издательствах. Первые стихи были опубликованы в 1965 году в газете "Орловский комсомолец". Печатался в журналах "Юность", "Новый мир", "Наш современник", "Мы" и других. Автор поэтических книг "Сад", "Месяцеслов", "Бьющий свет", "Невольные мысли" и "Погост". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Тонет поле вязкое во мгле,
Тонет радость краткая в печали.
Вот уже, как уголья в золе,
Над землёю звёзды замерцали.
Ничего не пожелаю вновь —
И былых желаний слишком много.
Родина моя, моя любовь,
В никуда ведущая дорога.
Добреду до мокрого леска —
Все свои припомню пораженья.
Родина моя, моя тоска,
Нам и в воле нет освобожденья.
 Попрошусь к старухе ночевать,
Встану на бессолнечном рассвете.
Ничего не надо понимать,
Ни за что не надо быть в ответе.
Надо в печь поленья подложить —
Пусть займутся в пламени и дыме.
Невозможно в мире заслужить
Благодать деяньями своими.
В жажде справедливости о зле
Что твердить с отчаяньем и жаром!
Ведь совсем недаром на земле
Всё, что надо нам, даётся даром.
Выйду, сном коротким освежён,
И пойду на дальние берёзы.
Родина моя — несмолкший звон,
Ветром осушаемые слёзы.
Как с тобою песню мне допеть,
Как высокий голос твой дослушать,
На твоём просторе умереть,
Одинокой думы не нарушить?
Не боюсь ни жить, ни пропадать,
Мы с тобою оба одиноки.
Родина моя, больная мать,
Ни к чему загадывать нам сроки.
Или небосвод над нами пуст,
Чтоб была погибель нам случайна?
Родина моя, нелгущих уст
Словом заповеданная тайна.

1990

* * *

Начинаю словно об одном,
А кончаю чем-нибудь другим.
Вот опять я вижу этот дом,
Странные скульптуры перед ним.

Девушка с винтовкою в руке,
Юноша с отбойным молотком.
Дай мне, моя Родина, в тоске
Выплакать все слёзы о былом.

Дай мне вынести новую беду,
Не одну, пожалуй, не одну!
Я сейчас на Обуха сойду,
В Троицкую лавку загляну.

Дамаскина книгу я куплю,
Отрывной куплю я календарь.
Боже, Боже, я Тебя люблю,
Может быть, острее в эту хмарь,

В эту склизь январскую и муть,
В этом зле, попущенном Тобой,
В грудь пытаюсь воздух протолкнуть
От бензина грязно-голубой;

Выхлопными газами дыша,
Посреди истерзанной страны,
Неумело высказать спеша
Покаянья слово и вины.

Это я, никчёмный и пустой,
Может быть, последний из людей,
На московской грязной мостовой
Вопию о милости Твоей,

Словно опасаясь не успеть
Все провалы вычистить души,
Боже, я готов бы умереть —
Лишь бы только больше не грешить.

Лишь бы только снова этот край
Прадедов, и дедов, и отцов
Стал — не раем — здесь не нужен рай! —
Колыбелью для его жильцов.

1993

* * *

Вишня на склоне июньского дня,
Нежного клевера сонный трилистник.
Радуюсь я: они лучше меня!
Равенства требует только завистник.

Я ж не завидую ни соловью,
Ни золотому спокойствию сада.
Разве стесняет свободу мою
Сбитая мною из тёса ограда?

Нет, не стесняет! Я к птицам в родство
Не набиваюсь. И так в этот вечер
Мне хорошо под густой листвой
Яблонь, вздымающих пышные плечи.

Всем нам даны и призванье, и труд:
И соловью, и цветам, и деревьям;
Солнцу и звёздам, что скоро взойдут
На небосводе и юном, и древнем.

Нет одиночества в мире живом,
Если несёшь с ним единую ношу
Песней весенней, осенним плодом,
Лётом семян в ледяную порошу.

Новым побегом взойти ли в золе,
Стать ли золою, питающей корни:
Бог в небесах, государь на земле —
Мир и в домах, и в обителях горних.

Только один есть у каждого путь,
Всё остальное — окольные тропы.
Да не дозволит на них мне свернуть
Доброго дела спасительный опыт.

Да уведёт от пустой суеты,
Воли не дав непомерной гордыне.
О, да вовеки минуй меня ты,
Ревность к отцу, недостойная в сыне.

Вот и закатное льётся вино
В ночи узорной горящую чашу.
В каждом мгновении жизни дано
Нам охватить всю вселенную нашу.

Что тут прибавить и что тут отнять!
Без старшинства невозможно и братство.
Лишь полнота нищеты нам понять
И позволяет ущербность богатства.

Всё есть у вишни и у соловья,
Всё есть у ветра и дальней зарницы.
Лучше меня они: радуюсь я!
Есть мне пред кем в восхищеньи склониться.

Есть и молчать, и сказать мне о ком
С тихой улыбкой любви неслучайной
Словом, на землю упавшим легко,
В небо растущей безмолвною тайной.

1992

КРЫМ

Синее небо, лиловое море,
Серая галька с потёками соли,
Лозы, сплетённые в грубом узоре,
Снова припомнились мне поневоле.

Всё же для русского сердца, признаюсь,
Странно родны эти дальние дали,
Чайки стремительной тень вырезная,
Грохот лебёдки на близком причале.

Нет, не о неге я тёплого рая,
Не о цветущих магнолиях парка,
Не о закате, что, нежно сгорая,
Встал над водою, как пёстрая арка.

Нет, не о ночи, пробитой, как сито,
Золотом звёзд, не о блеске рассвета,
Не о беспечности той, что сокрыта
В каждом мгновении южного лета.

Все это тысячу раз воспевали:
Горы и небо, и пену прибоя...
Нет, я о том, что мы их потеряли,
Сами отдали без всякого боя.

Что же ты, Миних, не встанешь из гроба,
Что ж ты, Потёмкин, горящей глазницей
Не обернёшься к нам, гневаясь, чтобы
Пламя стыда опалило нам лица!

Где ж вы, Нахимов, Корнилов, Тотлебен,
Где ж ты, Истомин! — восстаньте из праха.
Нет у ни Крыма, ни моря, ни неба —
Нет ничего, кроме жалкого страха!

Заняты внуки иными делами,
В правнуках нет ни любви их, ни силы.
Господи, Боже мой! что ж это с нами,
Что ж сотворили мы с родиной милой!

И понапрасну я к предкам зываю —
Некому взять их оружие в руки,
Некому больше — от края до края —
Снова пройти сквозь страданья и муки.

Армий победных не встанут солдаты,
Нет, неподъёмен им гнёт отвращенья
К слабым потомкам... Позор — нам расплата!
Предали мы их — и нет нам прощенья!

Пить нам теперь чашу Божьего гнева,
Желчью давиться до смертного пота,
Слушая скрежет иудина древа —
Мачты последней Российского флота!..

1992

* * *

Слева — сосны, а справа — кладбище,
Хвоя падает на траву.
Я на свете пожить был бы рад ещё,
Да, быть может, и поживу.

Поживу ещё, мысль додумаю,
Что назвать пока не могу.
В старость старую юность юную,
Как сумею, поберегу.

Вечер полон осенней сырости,
Электричка гудит во мгле.
Дай по милости, Господи, милости
Уходящей во тьму земле.

Всё едино и всё — единственно.
За оградой — кресты могил.
“Я емь Жизнь, Я емь Путь и Истина!” —
Сам когда-то Ты говорил.

И я верую, Боже, верую, —
Укрепи ж меня, просвети! —
Что ещё сквозь распад и скверну я
Из себя смогу прорасти.

Как весной трава-муравушка,
Перетлевший прах отряхнув,
Сам себя потихоньку за ушко
Да на солнышко потянув.

Оттого б и хотел жизнь долгую,
Хоть и малой не заслужил,
Что теперь лишь понял, как многое
Переживши — не пережил.

Ибо знаю душой отныне я,
Что по воле Твоей готов
В миг любой уже без уныния
Отойти от земных даров.

От пространств этих сине-пепельных,
Где закат ещё не погас.
От всего их великолепия,
Так любимого мной сейчас.

1991

НАКАНУНЕ ПАРАДА

У памятника Пушкину

И разные стояли люди,
И наблюдали сотни глаз,
Как зачехлённые орудья,
Качаясь, плыли мимо нас.

Как вырастали в мраке тайны,
Как стадо мамонтов сопя,
Самоуверенные танки,
Тремя глазами слепя.

Как в бликах мертвенного света,
Не зная ни добра, ни зла,
Изящно двигались ракеты,
По-рыбьи вытянув тела.

Как проходили ряд за рядом
Машины, полные солдат, —
Как ты и я, и все, кто рядом,
Мы в этот миг дышали в лад.

Как мы смотрели в сумрак стылый,
До боли стиснув кулаки,
Когда со сдержанною силой
Пред нами двигались полки.

.....
.....

Так я писал тому уж боле
Лет двадцати. Но понял вдруг,

Что прославляю поневоле
Коммунистический недуг.

Весь бред интернационала,
Души растлившейся грехи! —
И омерзительно мне стало:
Я эти выбросил стихи.

Но вот сегодня на рассвете
Открыл глаза и в тот же миг
Нежданно вспомнил строки эти
И вновь записываю их.

Нет, не в порыве жалкой лести
Они мной были сложены.
Я пел о доблести и чести
Моей любви, моей страны.

Я пел о прежней громкой славе —
И были помыслы чисты! —
Стараясь сквозь гримасы яви
Прозреть бессмертные черты.

И ныне, ставя к старым строфам
Строфу за новою строфой,
К Америкам или Европам
Я обращаю голос свой.

Да, вы сейчас нам не грозите,
Но, с похвалою на устах,
Вы к нам по-прежнему таите
Всё те же ненависть и страх.

Я знаю цену вашим дружбам
И миротворческим словам.
О, как — бессильным и недужным! —
Вы аплодируете нам.

О, как сияют ваши лица,
Как размягчаются черты,
Когда сползаем мы к границам
Времён Ивана Калиты.

Когда Россию рвут на части,
Как штуку красного сукна,
Народы, кои в час несчастья
Спасла от гибели она.

Как будто бы безгрешны сами,
На нас одних взвалили грех!
.....
Иль тем виновны мы пред вами,
Что пострадали больше всех?

Иль, может быть, в азарте мнится
Вам всем, что из небытия
Уже вовек не возродится,
Не встанет родина моя?

Напрасны эти обольщенья!
Распад, сумятицу, разброд,

И нищету, и униженья —
Всё русский вынесет народ.

Я говорю кавказским звёздам,
Я говорю якутским льдам,
Что снова — рано или поздно! —
Но мы ещё вернёмся к вам.

Не в ярости, не мести ради,
А лишь на ваш призывный глас,
Ибо не в силе Бог, а в правде,
А правда Божия — у нас!

И что́ мечтания Китая,
Европ, Америк ли возня,
Когда воскреснет Русь Святая,
Как птица Феникс из огня.

1967; 1992